

Коричина Валентина

Моя струна

Валентина Корицина

Моя струна

«Издательские решения»

Коричина В.

Моя струна / В. Коричина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834234-9

Что может помочь вернуться в прошлое на время? Для чего нужны ожидания и что остается, когда умирает и разбивается все вокруг? Где заканчивается правда и начинается вымысел? Математически четким языком, виртуозно оперируя фигурами речи, автор раскрывает нам об этом. Кажется, что книга состоит из самостоятельных историй, однако все они тесно переплетены между собой. С помощью чего? Это предстоит уловить читателю.

ISBN 978-5-44-834234-9

© Коричина В.
© Издательские решения

Содержание

Сказки маленьких городов	6
С той стороны зеркала	6
Мой Мухосранск	8
Таблетки от страха	9
Моя струна	10
Стена	11
Серж. История одних отношений	12
Пустышка	13
«Ни капли взаимности»	14
Несбывшееся	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Моя струна

Валентина Коричина

© Валентина Коричина, 2016

© Елизавета Шведова, дизайн обложки, 2016

Корректор Валентина Корионова

ISBN 978-5-4483-4234-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказки маленьких городов

С той стороны зеркала

Кто смотрит мне в спину из зеркала в тот момент, когда я от него отворачиваюсь?
И почему этот кто-то ненавидит меня настолько?

...Если я закрою сейчас глаза – увижу тебя.

Ты будешь сидеть, прислонившись спиной к стене, и смотреть – одновременно в себя и вдаль.

И я смогу протянуть руку – и дотронуться до твоей щеки кончиками пальцев.

И у меня даже не будут дрожать руки.

И пальцы будут – теплыми.

А ты перехватишь мою руку, накроешь ладонью. И губы твои будут у запястья, у самой кожи...

Когда я родилась – шел снег. Первый. Редкий и легкий. Зима заявляла свои права на мир. С тех пор все важное в моей жизни случается на изломе сезонов. Только почему-то в неправильное время. Не вовремя.

Когда все вокруг начинает умирать – я люблю. Особенно остро – осенью, в ноябре... А когда приходит весна... Весной я уничтожаю мир. Умри все живое.

Август. Лето. Но по вечерам воздух уже отчетливо пахнет осенью...

...«Верь своим чувствам», говоришь?

«Если ты что-то чувствуешь,
значит, так оно и есть».

Чувствую тебя остро и ежечасно.

Чувствую себя – матрешкой.

У меня внутри поселился ты.

У тебя внутри поселилась я, но поменьше.

У маленькой меня внутри...

Это как лента Мёбиуса.

Темная сторона отличается от светлой, но я иду по ней – и не замечаю перехода.

Между светом и мраком.

Между «невозможно» и «сбылось».

Между любовью и дружбой.

Между началом и концом.

Одна дурная бесконечность...

Если распахнуть руки в стороны – или, встав на цыпочки, вытянуть их вверх – границы мира сразу станут более чем очевидны. Рамки, за которые не выйти. Мои, твои. Тверже камня. Реальней не бывает.

В детстве все границы кажутся бесконечно далекими. А потом они приходят в движение. И вот ты уже обжат. Загнан. Ты пока еще стоишь ровно и гордо держишь голову. Но вот сейчас потолок опустится еще немножко, потом – еще и еще. Невозможно даже представить, в какую невообразимую малость мы все можем упаковаться под давлением.

Но страшно не это. Страшно, когда давление внезапно уходит – и ты снова в мире без границ. Горбун и карлик, руки-крюки. Все еще веришь, что можешь все? Тогда выпрямись для начала. Многое поймешь, когда попробуешь.

...Довериться. По-настоящему, полностью – если я и вправду хочу узнать твой мир.

В него не вломиться с наскока, не подсмотреть запретное через замочную скважину.

Есть вещи, которые невозможно взять.

Их дарят.

Обнажить душу и прийти на переправу. Обнаженной.

Вот только чем тогда заплатить Перевозчику?

Хотя... Знаешь, что за откровение случилось у меня давеча?

Что даже тогда, когда умирало и разбивалось все вокруг и казалось, что ничего уже не осталось, у меня всегда оставалась я. Я, какая есть.

Очень у многих нет и этого...

«Only death may pay for life».

Баш на баш. Мир на мир. Меняемся?

Как отличить реальность от «кажется»? Как понять, где настоящее и живое – а где вымысел и игра воображения? В мире кривых зеркал и зеркальных лабиринтов, в мире множественных проекций и отражений. В мире, где я перестала понимать, где простые слова, описывающие понятные поступки, а где – метафора и символ. Я понимаю, что ты говоришь, но что на самом деле Значит то, что ты говоришь? И то ли ты мне говоришь, что хотел бы сказать...

....Дай руку. Пожалуйста...

Живое – не врет. Теплое – не врет.

Здесь и сейчас.

Нет никакого «время еще не пришло»...

Завтра может никогда не случиться, хороший мой...

Этот текст никогда не будет написан. Этот текст никогда не будет прочитан. Он попытался исчезнуть с экрана уже трижды. Он – с той стороны зеркала.

Мой Мухосранск

Дорога разматывается под колеса черной шелковой лентой. Фары, как две руки, травят канат разделительной полосы. Темные силуэты сосен убегают за окном. Кажется, что это не ты движешься вперед, а кто-то добрый сматывает мир у тебя за спиной. Зеленые круги и стрелки на панели, небрежная уверенность рук сидящего рядом, ведущего вперед этот корабль на колесах.

Лес. Сумерки. Дорога. Дождь. Музыка. Молчание.

Шорох колес по гравию – скрип, шелест, физическое ощущение того, как резина шин делает полный круг и замирает. Звук захлопывающейся дверцы, отсекающий остаточный серый шум города. Дальше – Тишина...

Только слегка покалывает плечи шерстяной свитер, да белеют в ночи кисти шали, брошенной на плечи. Скрип ступенек. Скрип ключа в замке. Скрип открывающейся двери. Мир, состоящий из скрипов и тишины.

И – тепла, света, тени. Тени, пляшущей на бревенчатой стене. Света, красно-рыжего света огня в камине.

Теперь ты знаешь, что огонь похож на рыжую лису...

Такой теплый, уютный мир. Буйство огня в камине, робость свечи на столе, дразнящий запах корицы и яблок и пар, идущий от румяных боков пирога. Запах трав, разбуженных в котелке кипятка: чабрец, мята, акация, молодые листики земляники.

Красное вино, решив не выделяться, превращается в глинтвейн. Дым сигарет ищет щели в потолке, отливая молочной белизной. И кресло-качалка скрипит тоскливо, прощально, перекликаясь со скрипом ступенек, ведущих наверх. Туда, где по крыше будет стучать дождь. Всю ночь. Туда, где кончается одиночество.

А утро будет играть в молочника, пролившего крынку молока. Роса на траве будет размером с горох, и весь мир замрет на коленях у двери, ища свое отражение в каждой капле. Туман молоком будет стекать к зеркалу реки и там застывать, любясь своим отражением.

И если открыть окно и посмотреть вверх, под резной козырек крыши, то увидишь тех, кому не спится в такую рань. Ласточки. И их хрупкая крепость, именуемая гнездом.

Дом.

Таблетки от страха

Доктор, я боюсь. Доктор, а можно мне таблеток – от страха? Ну пожалуйста, доктор...

Блаженны неведающие. Идущие-по-земле-легко, не замечающие. Их страхи приходят к ним раз. И навсегда. Но ведь они ко всем приходят навсегда, так ведь, доктор?

Мои страхи вползают ко мне не спеша. Долго, медленно, по чуть-чуть. Воруя по миллиметру надежду на то, что все образуется и обернется вспять. Не обернется. Как только ты видишь первый знак, первую ласточку – все, процесс необратим.

Что чувствует женщина, смотрящая в зеркало на первую морщину? Смотришь – тончайшая паутинка. Видишь необратимость. Знаешь, что будет через год. И через 10. Пойти, что ли, к кукольнику и сделать себе маску? Чтоб не менялась. Чтоб одна – и на всю жизнь. Пусть мертвая, пусть. Зато одна...

Знаки, доктор. Или это просто близость зимы? От холода все уменьшается, сжимается, прячется в норы до весны. Я вижу пустоту, маленькие, ничем не заполненные щели там, где раньше было столько, что казалось – мир лопнет по швам, не вместив. Скажите мне, это ведь всего лишь зима, так?

Ха-ха-ха... Да нет, что вы, мне грустно. А смеюсь я над иронией мира. А можно мне выколоть глаза, доктор? Мне будет лучше так – без глаз. Не видеть. Или уж проще – вырежьте мне сердце, доктор. Поставьте там маленький электронный приборчик, наука ведь шагнула вперед на мили, они теперь все умеют. Это ведь не глаза, это оно, беспокойный орган.

Вот вы сидите, улыбаетесь в усы. Страхи, говорите вы. Так и я о том же, доктор. Дайте мне таблеток от страха, пожалуйста. Я устала быть кроликом, смотреть на Каа, на его плавное неумолимое приближение.

Дайте же мне таблеток от страха. Много. Чтоб на подольше хватило. Пусть еще немножечко, самую малость – в неведении.

А там уж отбоимся за все.

Моя струна

Чувства умирают по одному. Как будто лопается в сердце какая-то натянутая струна – и на тебя обрушивается ворох ощущений. Физических. Эмоциональных. Что-то мохнатое, что сидело в уголке черепушки и олицетворяло для тебя *это*.

Раз – как ушатом воды окатили. Сидишь, как мокрый котенок, перебираешь лапами и поджимаешь хвост. Посреди рабочего дня, за чтением официальной бумажки тебя накрыло *образом*. На тебя вывалилось за раз все, что ты к этому образу чувствовала. Погрузило, звякнуло порванной струной – и откатило, схлынуло. Нет образа, осталась только память о том, что он – был. Память, растворяющаяся в каких-то своих дальних далях.

Только в сердце щемит какая-то точка, в которой случился обрыв. Только волосы на загривке дыбом. Потому что понимаешь, что то, что стояло за образом, – оно в этот момент ушло. Попрощалось с тобой вот так – и сгнуло. Унеся собой в свое далёко кусочек тебя и немалый кусман твоей жизни.

И сдавливает горло, и глаза сразу слезами – до краев. Во мне и слез-то уже не осталось. Но – вот, поднимаются откуда-то в минуту этого внезапного прощания. Наполняют глаза и опять уходят, не проливаясь, как вода в песок.

Сглатываешь ком, хлопаешь ресницами, разгоняешь муть. Ловишь образ за хвост – погоди, не уходи, я еще – не... Я даже не осознавала, какой ты, оказывается, был... Вот так вот, в полноте твоей, навалившейся на меня сразу, – не осознавала. Узнала тебя безошибочно, но ведь за минуту до этого и под дулом пистолета так бы не почувствовала, не описала.

Было. Ушло. Больше не будет. Никогда.

Кто я – арфа? Или скрипка? Сколько еще таких струн во мне порвется? С чем я останусь, когда лопнет последняя? Кем буду тогда – с полным сердцем фантомных струн?

Стена

Родной город – он всегда знает, как лучше всего тебя встретить. Искрами чернобривцев на клумбах, забытым ароматом цветущих лип, или – как в этот раз – белой пушистой стеной снега. А снег всегда был – мой.

Всю ночь мело, а утром город стоял, как подросток, ошарашенный девичьей красотой, – немо, тихо, застыв, наблюдая красу в белоснежном наряде. Или – как озадаченный чем-то старик, хмурия грозно седые косматые брови туч. Белым-бело. Пушисто. Тихо.

Тучам плохо видна была сверху эта красота, и они спустились посмотреть – ниже, ниже, почти уже волоча мокрое брюхо по тротуарам. Воздух похож на дым – то ли еще капли, то ли уже снежинки-льдинки висят в нем, невидимые глазу. До чугунного неба можно было достать рукой, если встать на цыпочки и зажмуриться.

Утро. Пятница. Ранняя рань, когда почти еще нет прохожих и спят продавцы бесчисленных бутиков и лавок.

А замок в этом городе в старину построили на пригорке. Над тогда еще рекой, теперь же – озером и парком. Самый красивый панорамный вид в городе открывается оттуда – на лес, и парки, и озеро. А тут – сюрприз, сюрприз! – панорамы не стало. Небесная крыша где-то изогнулась и упала отвесно вниз. Уже не крыша. Стена.

Так это озеро не выглядело еще никогда. Это был не туман, туман – он другой. Это было именно небо, вставшее стоймя. Тот же цвет, та же консистенция, только – ближе, достижимей.

«Сместилась ось координат...»

Я спустилась к самой воде и долго стояла по щиколотку в снегу, разглядывая это небо передо мной. Такое же бесконечное впереди, как и сверху. Такое же однотонно серое. Ровный цвет без конца и края, и глазу не за что зацепиться, не на чем сфокусироваться, и он поневоле начинал искать себе точку опоры – ближе, ближе, и вот я уже видела свои ресницы и пляшущие перед глазами микроскопические льдинки.

Невозможно оторваться. Невозможно уйти. Ведь больше такого могло не быть никогда. Не было же до этого...

Крамольная мысль все не давала покоя: если небо – впереди, то вот он, шанс... Ты можешь дойти до неба пешком, тебе больше не нужны для этого крылья. Вот только между тобой и небом – озеро, прозрачная, как слеза, вода, тяжелыми складками колышущаяся у ног.

Видишь, там, на горе,
Возвышается крест.
Под ним десяток солдат.
Повиси-ка на нем.
А когда надоест —
Возвращайся назад,
Гулять по воде,
Гулять по воде,
Гулять по воде со мной...

Серж. История одних отношений

С прошлым надо уметь прощаться. Иначе оно будет стучать в твою дверь, напоминать о себе, не давать жить, ломать настоящее и будущее, ранить душу в кровь.

Мне казалось, что с этой историей я распрощалась в холодную зиму 1998-го. Когда были сказаны все слова, расставлены все точки над *i*, внесена предельная ясность и окончательно убиты все прошлые страхи. Позже я поняла, что не хочу ее забывать, потому что она – это часть меня. Но окончательная досказанность как будто прорвала плотину, и воспоминания начали тихо уходить, как вода в песок.

Поэтому – пока не утекла последняя капля, пока еще можно вспомнить, как все было – жить этой истории здесь, надежно упрятанной в слова.

Пустышка

«Икарус» был желтый и обыденно облезлый. Его сняли с какого-то городского маршрута, чтобы перевезти толпу галдящих школьников от одной столичной достопримечательности к другой, не менее достопримечательной. Они все буквально вчера приехали в столицу, их было много, некоторые – знакомы, большинство – нет. Им было от 13 до 16, классические дети с физико-математическим уклоном, в программирование.

Его нельзя было не заметить в этой толпе. В любой толпе, наверное. Он был как магнит. Уже успел собрать вокруг себя стайку мальчишек, сверкал глазами и сыпал шутками направо и налево. Его было много, его было слышно, таких она еще не видела (впрочем, больше таких она вообще не видела). У него на груди, на пластмассовой цепочке, висела детская пустышка, которая периодически использовалась по назначению.

Она была маленьким птенцом, вылетевшим из дома-гнезда в самый первый раз в жизни. Даже в пионерских лагерях до того не бывала. Он вызывал у нее чувство легкой оторопи пополам с отторжением. Но народ неторопливо прибывал и располагался вокруг этого центра притяжения. Она же волею судеб оказалась аккурат через проход. Рядом с барышней по имени Ксюша, царевной-лебедью в этом выводке гадких утят.

Их возили по разным местным достопримечательностям. Деревянные церкви, ветряки. Народ тяготел к нему, он смотрел на Ксюшу, она смотрела на него, постепенно заражаясь его энергией.

Она даже не запомнила, как его зовут. Немудрено – говорил в основном он, а не с ним. Позже, в единственной девчачьей комнате, барышни обсуждали экскурсию. Она назвала его «этот яркий, общительный мальчик», Ксюша – «трепло в защитном костюме». Она не знала, как его зовут, Ксюша же была, естественно, в курсе – «Серж».

Так все и начиналось. Три года жизни под знаменем «Серж», у истока которых – пустышка, сосновая шишка, игра «верю – не верю», колода затертых до дыр карт, куча песен под гитару и 20 безумных дней. Все это живет и по сей день в коробочке на антресолях, архиве дней минувших, все еще щемяще живых.

Живых только для нее, как она донедавна думала.

Живых, как оказалось потом, и для него.

«Ни капли взаимности»

На входе в подъезд на стене висели почтовые ящики. Два блока по 10 откидывающихся дверок – поворачиваешь ключ, она отваливается вниз. Это сейчас, сменив десяток городов и квартир, ей известно, что ящики для почты бывают разные. В те времена почтовый ящик мог быть только таким и никаким другим. Ключик-дудочка с торчащим усиком, брелок – серебристая рыбка, как живая, с кованым хвостом, который изгибался вправо-влево.

Приносить почту домой почему-то было ее обязанностью. Почему? В ящик приходил «Советский спорт», «Известия», местная областная газетка и журнал «Ровесник» – раз в месяц. Собственно, ей нужен был только «Ровесник», все остальное – так, курьером поработать по дороге со школы, поднять сероватую стопку бумаг на восьмой этаж.

Обычный зимний день. 10 декабря. Уже лежит снег, но мороза почти что и нет. Уроки закончились, время идти домой, 3 часа дня, кушать хочется. Все никак не наболтаться с подружками на перекрестке, а после лихо вбежать в подъезд – 4 ступеньки, привычно скачем через одну. Абсолютно механические, заученные движения – ключ в скважину, повернуть, крышка упала, мысли где-то возле холодильника.

Конверт. Почерк – очень знакомый, но сразу как-то с перепугу и не вспомнилось, чей. Обратный адрес, имя. Газеты почти бесшумно планируют на бетонный пол. Мыслей нет. Совсем. Только тупая тишина в ушах. Чувства – как чистый лист. Первая мысль (и единственная, пока подбирала газеты с пола и ехала в лифте вверх): «Откуда у него мой адрес?.. Я же ему его никогда не давала...» Мысль бежит по кругу, как белка в колесе, как змея, кусающая себя за хвост.

В конверте открытка. Голубенькая. В трогательном овале – березка в снегу, в обрамлении узоров мороза на стекле. Текст – простенький, без наворотов – мол, с Новым годом, всего, пиши... После восьмого прочтения голова начала робкие попытки разобраться в происходящем. Почти безуспешные. С Новым годом – 10 декабря? Наверное, дата не случайна. Наверное, это пробный камень – чтобы было время ответить аккуратно к Новому году – если захочется отвечать. Если нет – ну что же, почти без ущерба для самомнения – просто вежливое поздравление с Новым годом, ничего более.

Но почему надо было ждать полгода? Они виделись в июне, под расставание дело было ясное, что дело темное: она была от него без ума, он наконец-то обратил на нее внимание – чуть-чуть. Полгода тишины. Полгода воспоминаний и сладкого замиранья сердца без какой-либо надежды увидеться вновь. И вот – вдруг – эта открытка, когда и думать-то о человеке почти перестала и все уже травую поросло.

Естественно, она не могла это держать в себе – событие требовало материализации в слова, требовало, чтобы им поделились – неважно с кем.

И вот – консилиум подруг. На повестке дня вопрос «Что Делать?». Консилиум постановил: отправить открытку ему. Ровно с таким же текстом – поздравляю, желаю, пиши. Консилиум посоветовал: «Ни капли взаимности!»

Вот так вот. Сейчас вот думается – а какой, собственно, взаимности? Не в любви же было ему признаваться в ответной открытке...

Под лозунгом «Ни капли взаимности» очень долго выбиралась открытка – чтобы была Особенная. Три вечера кряду сочинялся текст – чтобы каждое слово пело, но при этом было «без капли взаимности». Руки дрожали, когда за письмом захлопнулся козырек почтового ящика.

После этого жизнь была не в радость 2 недели. Почтовый ящик стал святым Граалем. К нему ходили на поклонение по 10 раз на дню. Поменялись все фундаментальные устои

бытия – день делился на «до почты» и «после». Открытка потихоньку стиралась на углах от частого перечитывания. Близился Новый год.

Две недели – и в почтовом ящике лежало *письмо*. Конверт был непривычно толстым. Листы в мелкую клетку заполнены в каждой строке все тем же ужасным почерком.

Начиналась новая эра в жизни. Эра длиною в 2 года – 2 года жизни от письма до письма, уже ближе к концу – от звонка до звонка, роман в письмах и фотографиях, 3 коротких встречи длиною в неделю, и четвертая – кульминационная.

Несбывшееся *Первый поцелуй*

Ей было 15. Хороший такой возраст, круглый. Круглое личико, коса до пояса, непослушная челка, вечно лезущая в глаза. Существо, выросшее на романах и стихах, дикое до безобразия. Умница, отличница, комсомолка и почти спортсменка. Пара близких друзей. Пара тайных влюбленностей на расстоянии вытянутой руки – смотреть в окно на стадион, где тренировка, вечно попадаться на глаза, тихо страдать, но заговорить – ни-ни, не приведи господь...

Ему было 17 – взрослый такой человек. Умный, даже слишком – из разряда «Таких не бывает» или «Таких один на миллион» – где-то посередине. Дивные карие глаза, длинные ресницы, стрижка под запущенного пажа. Те же книги, другие взгляды на них. Лидер от бога. Яркий, как метеор. На таких смотреть разинув рот и загадывать желание, пока мимо летит. В ее глазах – полубог. В глазах друзей, его ровесников – «человек, который ищет себя». Друзьям, наверное, виднее, они – старше и опытнее, они – без розовых очков.

Это была их вторая в жизни встреча. Первая – длиною в месяц – сюжет отдельного романа. Вторая же... Неделя. Вне дома. Детская непосредственность вырвавшегося на волю птенца – летать не умею, но очень хочется, и поэтому – вполне себе ничего летится, наперекор всем законам и правилам.

Был март. Конец марта. Зеленые ушки листочков проклевывались повсеместно, мир в салатовой дымке, небо голубое, солнце, воздух – как вино. Пушистые кисточки на вербе (котики...), покореженные бетонные блоки бункера Гитлера торчали из земли, над ними – на фоне лазури – пушистое серое счастье на ветках.

Ей казалось – сбылись ожидания длиною в год. Ему – а кто ж теперь узнает, что казалось ему... Как думалось тогда – ожидания были взаимными. Как говорил он сам много лет спустя – поначалу ему было просто интересно. Еще одна.

Неделя подходила к концу. Еще день – и все разъедутся по домам, по разным концам страны, что в эпоху бумажных писем с зубренными марками на конвертах равно «Расстаемся навсегда». Ну или почти. Они куда-то собирались идти всей толпой и почти все уже собрались на выходе из отеля. Она что-то забыла в номере. Он вызвался проводить.

Лифт. Этаж. Длинный коридор. Номер. Обычный такой номер в гостинице «Дружба»: 2 кровати, санузел, предбанничек на пороге. Она схватила это что-то и уже бежала к выходу. Он стоял у порога – там узко, слева стена, справа деревянная раздвижная дверь гостиничного шкафа. Одна рука небрежно легла на дверцу. Стоп-сигнал. Стоять. Ну что же – стоим... Вторая, описав полукруг, легла на ту же дверцу – клетка захлопнулась. Птичку поймали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.